

Сяо Хун промолчала. Она знала, что на самом деле её отец держит в душе много тяжёлых мыслей, а отчитал её просто от злости. Через некоторое время он, как всегда, пожалеет о том, что накричал на неё.

Сейчас был лишь краткий период затишья. Гу Линчжи знал, что через три года всё вернётся и начнётся сначала. Ему нужно было навсегда устранить эту угрозу, подарить Поднебесной покой, чтобы затем вернуть Фу Юньцзэ и заслужить прощение людей.

Многие говорят, что жить — это тяжело: всегда приходится заботиться о мнении окружающих, поступаясь своими желаниями. Лучше идти своим путём и давать другим говорить что угодно. Но кто захочет жить, ежедневно неся на себе проклятие и ненависть всего мира?

Три года. Для других три года мира — это слишком короткий и драгоценный срок, но для Гу Линчжи каждая минута этих трёх лет была пыткой. Потому что он сейчас потерял абсолютно всё, у него осталась только одна приёмная дочь. В самые тяжёлые времена он даже взвешивал в уме, сколько денег можно выручить за её продажу.

Легенда гласит, что когда Древний Истинный Бог разделил Миры Людей и Демонов, он оставил семь Демонических кристаллов, рассыпанных по Миру Людей. Тот, кто найдёт эти семь кристаллов, сможет открыть врата в Мир Демонов.

Гу Линчжи хотел открыть врата в Мир Демонов заранее. Раз уж этот день неизбежно наступит через три года, лучше пусть он придёт раньше, и проблема будет решена. Для простых людей это устранил будущую угрозу, а для Гу Линчжи сократит время, оставшееся до воссоединения с семьёй.

Но выполнить это было не так-то просто. До сих пор он не нашёл ни одного Демонического кристалла.

Он услышал, что в городе Юньань есть один такой камень, и тут же помчался туда вместе с Сяо Хун. Однако никаких зацепок не было, не знали они и с чего начать, да и вопрос выживания отца с дочерью стоял остро.

— Пойдём, Сяо Хун, отец поведёт тебя выступать на улице! — Гу Линчжи произнёс это с невероятной торжественностью, будто уличные выступления были делом чрезвычайно почётным.

Но что он мог сделать? Воровать? Грабить? Это невозможно, его воспитание не позволяло ему такого. Зарабатывать самому? Но он ничего не умел, кроме как драться... Ну, мог ещё немного пустить пыль в глаза.

— Эй, подходите, смотрите! Разбивание камней грудью, девочка глотает огненные стрелы! У кого есть деньги — поддержите, у кого нет — накормите!

Уличных артистов было много, и зрители в основном приходили ради развлечения. Чтобы они расстались с деньгами, нужно было постараться, и глупцов, готовых отдать последнее, было немного. Да и представления везде были одинаковыми, люди давно устали от такого.

Но такая хорошенькая парочка отец и дочь попались им впервые. По их одежде и осанке было видно, что это не бедняки. Так они успешно привлекли внимание жителей целой половины улицы.

Хоть монет и собрали немного, но булочек и лепёшек набралось немало, даже одна мясная

лепёшка досталась — люди жалеяли маленькую девочку, не могли удержаться и делились с ней своей едой.

Гу Линчжи посмотрел на добычу и решил, что улов неплохой: по крайней мере, несколько дней можно будет не голодать. Он начал собираться, готовясь уйти с довольным видом.

Как раз он наклонился, чтобы подобрать ту самую мясную лепёшку, завернутую в промасленную бумагу, как нога наступила на руку Гу Линчжи.

Сначала он подумал, что это случайно, но тут же почувствовал, что давление на руку было вполне намеренным.

Это был синий сапог с золотой вышивкой, очень широкий и толстый, который натягивался на ногу до предела.

Гу Линчжи поднял голову и увидел жирное лицо с тройным подбородком:

— Не подбирай. Я дам тебе двадцать лянов серебра, продай мне эту девчонку!

Толпа ахнула, но не из-за огромной суммы, а из-за того, кто это сказал.

Этот жирный свин недавно нажился на военных действиях и теперь был самым богатым человеком в округе, Цзя-помещиком, в народе прозванным Толстяком Цзя.

У Толстяка Цзя была одна слабость: он любил маленьких девочек и мальчиков. В его особняке было сотни приёмных дочерей и сыновей. Сначала люди не понимали, продавали ему детей, думая, что те станут слугами и побегут, пока не вырастут. Но однажды одна девочка не выдержала и, рискуя жизнью, сбежала, и только тогда люди узнали, что этот мёртвый жирдяй творит с такими маленькими детьми.

Окружающие видели, что Гу Линчжи похож на разорившегося дворянина из другого города, и хотели добром предупредить его: как бы плохо ни было, нельзя продавать дочь такому чудовищу. Но они боялись, что если заговорят сейчас, то Толстяк Цзя запомнит и отомстит им. Люди могли лишь смотреть на маленькую девочку в красном платье с бесконечной болью и сожалением в сердцах.

Двадцать лянов серебра! На сколько же времени их хватит! Гу Линчжи прикинул в уме, легко вытащил свою руку из-под жирной ноги, а лепёшка была превратилась в кашу:

— Ладно, давай серебро, а дочь забирай!

Что???

Толпа и Сяо Хун опешили!

Разве сейчас не должно было разыгаться сцену насильственной покупки? Несчастный отец должен был обнимать маленькую дочь, рыдать до смерти и не отпускать её, а потом злодей с прислужниками волокли бы их прочь, пинаю ногами.

Даже Толстяк Цзя не ожидал, что он так легко согласится. Ему лишь показалось странным, как такой худой мужчина смог вытащить свою руку из-под его ноги.

Он весом бросил двадцать лянов серебра. Толстяк Цзя не жалел денег, ему просто нравилось то чувство вседозволенности, которое давали богатство!

Сяо Хун всё ещё смотрела на своего отца с неверием. Целый день она слышала, как отец говорит, сколько она стоит, и думала, что он просто болтает. Неужели он действительно её продал?

Она, семеня ножками, подошла к нему и потянула Гу Линчжи за край одежды, всхлипывая:

— Папа...

— Какой я тебе папа? Твой папа теперь вот он! — Гу Линчжи безжалостно стряхнул маленькую ручку, державшуюся за его одежду. Окружающие начали тыкать пальцами в этого бессердечного отца.

Однако люди не слышали того, что Гу Линчжи передал голосом, который слышали только он и Сяо Хун:

— Ты что, тупая? Ты разве не понимаешь, что ты не обычная девочка из простой семьи? Ты, чёрт возьми, — Чжуцюэ, древний божественный зверь! Иди с ними, а ночью сбежишь обратно.

Сяо Хун спросила:

— Папа, а ты же говорил, что не будешь обманывать ради денег?

Гу Линчжи ответил:

— Эм, он нехороший человек, так что обмануть его — это на благо народа!

Хотя Сяо Хун не совсем понимала, что значит «на благо народа», она чувствовала, что слова её отца всегда очень разумны. Поэтому она весело подбежала к Толстяку Цзя:

— Пойдём, приёмный папочка!

Весело пересчитывая серебро, Гу Линчжи вернулся в маленькую, ветхую гостиницу, где остановился вчера, и очень торжественно положил на стол маленький кусочек серебра:

— Хозяин, дайте мне номер получше!

Вчера вечером он спал в низкой тесной комнате для хранения вещей, где одеяла и матрасы пахли плесенью. Ночью Гу Линчжи несколько раз сушил их магией, но ложился спать, и они моментально сырели снова. Влажность на юге была действительно сильной.

Официант, провожая Гу Линчжи наверх, разговаривал с ним:

— Господин, а где ваша дочь?

— О, продал её. А то откуда бы у меня взялось серебро на номер получше? — Гу Линчжи сказал это, даже не покраснев, словно гордился тем, что будучи таким бедным, всё же продал свою дочь.

В этом районе, кроме Толстяка Цзя, у кого ещё были лишние деньги, чтобы покупать чужих детей? Официант лишь вздохнул с сожалением, ничего не сказал, но его взгляд на Гу Линчжи стал полон ещё большего презрения, чем раньше.

Ночью воздух стал влажным и холодным, и Гу Линчжи чувствовал, что постель никак не прогреется. Обычно рядом с ним сверкался маленький комочек, и под одеялом было тепло.

Иногда, когда Сяо Хун крепко спала, она превращалась в настоящий облик, и её перья были такими тёплыми.

Он перевернулся на другой бок. Почему эта девчонка всё ещё не вернулась? Не случилось ли чего? Но Толстяк Цзя был обычным разбогатевшим простолюдином, что с ней могло случиться?

Он вертелся с боку на бок, не в силах уснуть, и в конце концов, всё же переживая, Гу Линчжи выпрыгнул из полутёплой постели.

Спустившись вниз, он разбудил официанта:

— Эй, парень, как пройти к дому помещика Цзя?

— Ты про Толстяка Цзя? Ха, выйди из ворот, поверни налево, иди вёрст восемь, самая роскошная усадьба — это его дом! — Официант, разбуженный Гу Линчжи, не рассердился. Он догадывался, что тот, возможно, передумал и хочет забрать ребёнка обратно. Бедные родители, жаль только, что этого господина избыют до полусмерти слуги Цзя и выбросят наружу.

Усадьба семьи Цзя была ярко освещена, и Гу Линчжи вошёл туда без труда, так быстро, что прислуга подумала, будто это просто пронеслась внезапная струя ветра.

Обычно в богатых домах по ночам во дворах шумно и весело, но в доме Цзя не было ни звука.

Даже если у него не было жены и детей, то куда делись сотни купленных им приёмных детей? Неужели они все так тихи, что даже не плачут?

<http://bllate.org/book/16633/1523976>